

W
1154
525

2011096333

525 Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1154

ЕДИНЕНИЕ.

МЫСЛИ Л. Н. ТОЛСТОГО И РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

СОБРАЛЪ **Л. Н. Толстой.**

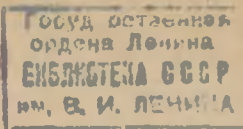

Издание 2-е.

Издание „ПОСРЕДНИКА“. № 709.

Цѣна 15 коп.

30451-48

Единеніе.

I *).

Если бы мы и не хотѣли этого, мы не можемъ не чувствовать нашей связи со всѣмъ міромъ людей, насъ связываетъ и промышленность, и торговля, и искусства, и знанія, и, главное, единство нашего положенія, нашего отношенія къ міру.

1. *Добрые люди другъ другу пособляютъ, даже не подозревая того; а злые умышленно противодѣйствуютъ одинъ другому.*

Китайская пословица.

2. Устройство міра, въ которомъ мы живемъ, таково, что тысяча людей, работая вмѣстѣ, могутъ произвести во много разъ больше, чѣмъ сколько могла бы произвести та же тысяча человѣкъ, работая порознь. Однако это не доказываетъ еще необходимости того, чтобы девятьсотъ девяносто девять человѣкъ дѣлались, въ сущности, рабами одного.

Генри Джорджъ.

3. Хорошій человѣкъ учитель дурного; дурной человѣкъ то самое, надъ чѣмъ долженъ работать хорошій человѣкъ. Тотъ, кто не уважаетъ своего учителя и не любитъ того, надъ чѣмъ долженъ работать, хотя бы и былъ очень уменъ, ошибается.

Лао-Тсе.

Вся исторія человѣчества съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ ее, есть движеніе человѣчества все къ большому и большому единенію. Единеніе это совершается самыми разнообразными средствами, и служатъ ему не только тѣ, которые работаютъ для него, но даже тѣ, которые противятся ему.

II.

То, что даетъ жизнь, не только однородно, но едино во всемъ.

1. Все живое трепещетъ мученія, все живое боится смерти;

*) Вся неподписанная мысли въ этой книжкѣ самого Л. Н. Толстого. Изд.

познай самого себя во всякомъ живомъ, существѣ—и не убивай и не причиняй смерти.

Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожить своей жизнью; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ—не убивай и не причиняй смерти.

Буддйская мудрость.

2. Все, что ты видишь, все, въ чемъ есть божественное и человѣческое—все это едино; мы—члены одного великаго тѣла. Природа создала насъ родными, произведя насъ на свѣтъ изъ одного и того же матеріала и для одной и той же цѣли. Она заложила въ насъ взаимную любовь и сдѣлала насъ общительными, дружелюбными; утвердила въ насъ справедливость и чувство законности, по ея установленію, губить хуже, чѣмъ гибнуть; по ея велѣнію, рука должна быть всегда готова на помощь. Да, мы рождены для единенія. Нашъ союзъ подобенъ каменному своду, который рухнулъ бы, если бы камни не опирались другъ на друга.

Сенка.

3. Единство свое съ человѣкомъ я живо сознаю и чувствую. Такое же единство я чувствую (хотя и слабѣе) между собою и животнымъ. Еще слабѣе я чувствую его съ насѣкомыми, съ растеніями, и сознание этого единства совершенно исчезаетъ по отношенію къ микроскопическимъ и телескопическимъ существамъ. Но то, что у меня нѣтъ чувствительнаго органа для познанія этого единства, не доказываетъ того, чтобы оно не существовало.

4. Путь жизни—одинъ, и вѣчное чаяніе человѣка въ томъ, что всѣ мы рано или поздно сойдемся на этомъ пути. Всѣ мы сойдемся на одной дорогѣ. Дорога эта слишкомъ ясно положена въ основаніе нашей жизни, слишкомъ широка и замѣтна для того, чтобы не попасть на нее. Въ концѣ дороги этой—Богъ, а Богъ есть весь истина, а истина тѣмъ и глубока, что она всѣмъ равно понятна, и мудрѣйшему и младенцу.

Путь жизни широкъ, но многіе не знаютъ его и идутъ дорогою смерти.

Гоголь.

Отгоняй отъ себя все то, что мѣшаетъ тебѣ чувствовать твою связь со всѣмъ живымъ.

Единеніе.

I.

„Каждая личность есть существо, вполне отдѣльное отъ всѣхъ остальныхъ. Истинное мое бытіе—лишь во мнѣ самомъ, все же остальное—не-я и мнѣ чуждо“. Вотъ познаніе, истинность котораго удостовѣряютъ плоть и кости, которое лежитъ въ основѣ всякаго эгоизма и реальнымъ выраженіемъ котораго служитъ каждый пелубовный, несправедливый или злобный поступокъ.

„Мое истинное внутреннее существо живетъ во всемъ живомъ столь же непосредственно, какъ и въ моемъ самосознаніи оно раскрывается лишь мнѣ самому“.—Это познаніе, выражающееся въ санскритѣ неизмѣнной формулой *tattvam-asi*, т.-е. „все это ты“,—и проявляется въ видѣ страданія, на которомъ основывается поэтому всякая истинная, т.-е. несвоекорыстная, добродѣтель, и реальнымъ выраженіемъ котораго служитъ каждый добрый поступокъ. На это-то познаніе и рассчитываетъ въ концѣ концовъ всякій призывъ къ кротости, человѣколюбію, милосердію: ибо подобнаго рода призывъ есть напоминаніе о такой точкѣ зрѣнія, съ которой всѣ мы—одно и то же существо. Напротивъ, эгоизмъ, зависть, ненависть, гоненіе, черствость, мщеніе, злорадство, жестокость основаны на томъ, первомъ познаніи и держатся его. Умиленіе и восторгъ, который мы ощущаемъ слыша, еще больше—видя, а больше всего—совершая благородный поступокъ, имѣетъ свое глубочайшее основаніе въ томъ, что онъ вселяетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что подъ множественностью и разнообразіемъ личностей кроется ихъ единство, дѣйствительно существующее и доступное намъ, такъ какъ оно обнаружилось на дѣлѣ.

Проявленіе того или другого рода познанія изъ этихъ двухъ сказывается не только въ отдѣльныхъ поступкахъ, но и во всемъ свойствѣ сознанія и состоянія духа, которое поэтому у человѣка съ добрымъ характеромъ существенно иное, чѣмъ у человѣка съ злымъ характеромъ. Человѣкъ съ злымъ характеромъ всюду чувствуетъ твердую перегородку между собой и всѣмъ, что внѣ него. Міръ для него—абсолютное не-я, и его отношеніе къ нему—съ самаго начала враждебное: потому основное настроеніе его всегда—непріяз-

печность, подозрительность, зависть, злорадство. Человѣкъ же добраго характера живетъ не въ себѣ одномъ, а во внѣшнемъ мірѣ, который онъ сознаетъ односущнымъ себѣ: другіе для него — не не-я, а „все я же и я“. Потому его отношеніе къ каждому — всегда дружественное: онъ чувствуетъ себя внутренно сродни всѣмъ существамъ, припимаетъ непосредственное участіе въ ихъ благополучіи и несчастіи и довѣрчиво предполагаетъ и въ нихъ ту же участливость. И въ немъ твердо укореняются — миръ и то увѣренное, покойное, довольное состояніе духа, отъ котораго каждому дѣлается хорошо вблизи него.

Шопенгауэръ.

II.

Если мы вникнемъ въ глубокой смыслъ основоположенія Христа о единствѣ всѣхъ людей въ Богѣ, то увидимъ, что оно касается не одного объединенія или сплоченія, какъ внѣшняго послѣдствія любви, а того единства всѣхъ людей въ ихъ божественной сущности, которое само служитъ источникомъ того, что мы ощущаемъ въ себѣ какъ любовь.

Такъ что *любовь, какъ испытываемое нами чувство*, есть таинственная сила, возстановляющая коренное единство всѣхъ людей въ духовной сущности міра — Богѣ.

Любовь, какъ чувство, приводящее насъ къ самоотреченію, было бы непостижимо и потому безсмысленно для насъ, если бы въ основѣ его не лежало то коренное единство людей, во имя котораго отрицаются и расторгаются предѣлы обособленной личности.

Любовь можно опредѣлить, какъ ощущаемый нами внутри себя всѣмъ внятнѣйшій голосъ той міровой сущности, для которой не можетъ быть никакого раздѣленія или множества, потому что она отъ начала едина и нераздѣльна.

Признавать себя вполне отдѣльнымъ существомъ отъ всѣхъ другихъ существъ такъ же безумно, какъ предполагать, что каждый членъ человѣческаго тѣла, имѣя свою особую способность осязанія, представляетъ изъ себя отдѣльное существо.

Насколько то, что человѣкъ способенъ чувствовать боль уже въ давно отнятой у него ногѣ, доказываетъ, что чувствительность наша сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, несмотря на то, что каждый членъ человѣческаго тѣла какъ бы имѣетъ свою собственную способность осязанія, настолько и то, что

люди способны сострадать и сорадоваться другимъ, повидимому, совершенно отдѣльнымъ отъ нихъ существамъ, доказываетъ единство людей въ духѣ, несмотря на то, что каждый отдѣльный человѣкъ часто склоненъ любить, жалѣть и знать только себя одного.

Если ту самую погу, которую два года уже отдѣлили отъ человѣка и которая похоронена въ землѣ, онъ чувствуетъ совершенно такъ же, какъ чувствовалъ ее до отнятія, то, стало-быть, условіемъ ощущенія ея является не одна только внѣшняя неразрывность съ нею, а какая-то болѣе топкая и вмѣстѣ прочная связь съ нею, которая, какъ видно, не могла быть нарушена даже тѣмъ, что ее отрѣзали.

Не подобнымъ ли свойствомъ должны обладать и людскія отношенія?

Не тѣлесныя узы родства, не личныя привязанности и пристрастія, и даже не общность сословныхъ или національных интересовъ, а духовное единство людей въ Богѣ—вотъ что должно лежать въ основѣ человѣческихъ отношеній.

Едодоръ Страховъ.

III.

1. Все, что вноситъ единеніе между людьми, есть благо и красота; все, что ихъ разъединяетъ—зло и уродство. Всѣ люди знаютъ эту истину. Она запечатлѣна въ нашемъ сердцѣ.

2. Какое ужасное страданіе—знать, что я страдаю и лишаюсь жизни не отъ завала горы, не отъ бактеріи, а отъ людей, отъ братьевъ, которые должны бы любить и которые вотъ ненавидятъ меня, если заставляютъ страдать! Это чувство подобно насильственному самоубійству. Я не хочу этого и убиваю самъ себя.

3. Нѣтъ такого дурного дѣла, за которое былъ бы наказанъ только тотъ, кто его сдѣлалъ. Мы не можемъ такъ уединиться, чтобы то зло, которое есть въ насъ, не распространялось. Наши дѣла, какъ наши дѣти: они живутъ и дѣйствуютъ независимо отъ нашей воли.

Джоржъ Эллиотъ.

4. Я до такой степени убѣжденъ, что человѣкъ все дѣлаетъ изъ собственной выгоды (понимая это слово надлежащимъ образомъ), что вѣрю, что это такъ же необходимо для міровой жизни, какъ чувствительность для сохраненія жизни тѣла.

Довольно того, что мы такъ часто не можемъ достигнуть нашей выгоды, не осчастлививъ тысячи другихъ людей, и что наша „первопричина“ такъ мудро сумѣла связать интересы одной части съ интересами другихъ.

Лихтенбергъ.

5. Никто одинъ не можетъ достигнуть до истины; только камень за камнемъ, съ участіемъ всѣхъ, милліонами поколѣній отъ праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тотъ храмъ, который долженъ быть достойнымъ жилищемъ великаго Бога.

6. *Жизнь человека есть самодвижущійся кругъ, который изъ безконечно малаго расходится во всѣ стороны, въ новые и все большіе круги, не имѣющіе конца.* Эмерсонъ.

Мы вѣдше отдѣлены и внутренно связаны со всѣми живыми существами.

Нѣкоторыя изъ колебаній духовнаго міра мы чувствуемъ, нѣкоторыя еще не дошли до насъ, но они идутъ, какъ идетъ свѣтъ отъ звѣзды, еще невидимой для нашего глаза.

IV.

1. Сытъ человѣческой, не обмануль ли Ты своихъ братьевъ? Нѣтъ, нѣтъ, ибо Ты сказалъ имъ: „Придите ко Мнѣ, и Я успокою васъ“. Пришли ли они къ Тебѣ? Восприняли ли они ученіе Твое сердцемъ и дѣлами? Покорились ли велѣніямъ Твоимъ? Возлюбили ли другъ друга, какъ дѣти одного Отца? Если бы они такъ любили другъ друга, то были бы всѣ едино, а если бы они были всѣ едино, — гдѣ та сила, которая могла бы помѣшать имъ утвердить, наконецъ, правосудіе, основать царство Божіе? А теперь они безсильны, потому что, разъединенные, каждый изъ нихъ слабъ и стоитъ одинъ противъ угнетателей. Они безсильны, потому что имъ не достаетъ и вѣры, которая все побѣждаетъ, и любви, которая сильнѣе самой вѣры. Они безсильны, потому что они застыли въ своемъ эгоизмѣ, потому что въ нихъ нѣтъ того самаго, въ силу чего люди приносятъ себя въ жертву, въ силу чего борятся не одинъ день, а всѣ дни, никогда не уставая, никогда не теряя надежды. Они безсильны потому, что они боятся людей; потому что они не понимаютъ того, что ты сказалъ имъ о Иисусѣ, а именно, что сберегши свою жизнь

потеряетъ ее, а что потерявшій ее ради того, чтобы основать царство закона Твоего, снасетъ ее.

Ламенэ.

2. Для кого всѣ другіе всегда были не-я, кто, въ сущности, считаетъ свою собственную личность истинно реальной, другимъ же, строго говоря, считаетъ только призраками, за которыми онъ призналъ нѣкоторое относительное существованіе, такъ какъ они могутъ способствовать или противодѣйствовать его цѣлямъ, для кого осталась неизмѣримо глубокая пропасть между его личностью и всѣми тѣми существами, которыя онъ не признаетъ собою, — кто, слѣдовательно, существуетъ исключительно въ своей личности, тотъ видитъ, что съ его смертію гибнетъ и всякая реальность и весь міръ.

А кто, напротивъ, во всѣхъ другихъ и во всемъ живомъ видитъ свое собственное существо, видитъ себя самого, тотъ, чье существованіе сливается черезъ свою жизнь съ существованіемъ всего живого, тотъ теряетъ при смерти лишь небольшую долю своего существованія: онъ продолжаетъ существовать во всѣхъ другихъ, — въ тѣхъ, въ комъ онъ всегда узнавалъ и любилъ свое существо и себя самого; для такого человѣка исчезаетъ обманъ, отдѣлявшій его сознаніе отъ сознанія остальныхъ.

Въ этомъ-то, если не исключительно, то главнымъ образомъ и коренится различіе того, какъ встрѣчаютъ свой смертный часъ особенно добрые и особенно злые люди.

Шопенгауэръ.

3. Никогда не буду искать, не буду принимать отдѣльнаго, личнаго спасенія. Не хочу получать полнаго успокоенія одинъ; но всегда и вездѣ буду жить и трудиться, стремясь ко всеобщему спасенію всякаго существа во всѣхъ мірахъ. До тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ освобождены, не покину міра грѣха, печали и борьбы, но останусь тамъ, гдѣ я есмь.

Китайскій Кванъ-Хинъ.

4. Дѣти Адама — всѣ члены одного тѣла. Когда страдаютъ одни члены, всѣ другіе страдаютъ. Если ты равнодушенъ къ страданіямъ другихъ, ты не заслуживаешь названія человѣка.

Саади.

5. Жизнь отдѣльнаго человѣка должна совершенно плотно срастись съ общою жизнью человѣчества, ибо все твореніе

проникнуто согласіемъ и единствомъ. Какъ во вѣщней природѣ, такъ и въ области духовной всѣ явленія жизни состоятъ въ тѣсной связи между собою.

Маркъ Аврелій.

6. Разумныя существа, призванныя трудиться вмѣстѣ за одной и той же работой, исполняютъ въ общей міровой жизни то назначеніе, которому служатъ члены въ человѣческомъ тѣлѣ. Они сотворены для разумнаго единодѣйствія. Въ сознаниі, что ты членъ великаго духовнаго братства, есть что-то ободряющее и утѣшительное.

Маркъ Аврелій.

7. Человѣчество живо начинаетъ сознавать то, что всѣ должны подниматься или падать вмѣстѣ. Люди все больше и больше прислушиваются къ тихому и слабому голосу внутри насъ.

Люси Малори.

Не думай, чтобы могло быть благо отдѣльнаго существа или чтобы зло отдѣльнаго существа не было бы зломъ всего міра и не отразилось бы на тебѣ.

V.

Мы неразрывно соединены духовной связью не только со всѣми людьми, но и со всѣми живыми существами.

1. Кто-то сказалъ мнѣ однажды, что въ каждомъ человѣкѣ таится нѣчто очень хорошее и человѣколюбивое, а также и нѣчто очень дурное и недоброжелательное; и смотря по тому, какъ онъ расположенъ, проявляется то одно, то другое. Это совершенно вѣрно.

Видъ чужихъ страданій вызываетъ не только въ разныхъ людяхъ, но и въ одномъ человѣкѣ одинъ разъ безграничное состраданіе, а другой разъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое можетъ усилиться до самаго жестокаго злорадства.

Я и самъ на себѣ замѣчаю, что на всѣ существа я смотрю иногда съ задушевнымъ состраданіемъ, иногда съ величайшимъ равнодушіемъ, а подчасъ съ ненавистью и даже злорадствомъ.

Все это служить явнымъ указаніемъ на то, что у насъ есть два различныхъ и даже прямо противоположныхъ способа познанія: одинъ — по принципу обособленности, разобщенности, отчужденности, когда всѣ существа кажутся намъ

совершенно чуждыми, когда они—рѣшительно не я; мы не можемъ тогда къ нимъ чувствовать ничего, кромѣ равнодушія, зависти, ненависти, злорадства.

И другой способъ познанія, который мнѣ хотѣлось бы назвать позпаніемъ по сознанію нашего единства со всѣми: при этомъ способѣ познанія всѣ существа кажутся намъ тождественными съ нашимъ я, и потому видъ ихъ вызываетъ въ насъ состраданіе и любовь.

Одинъ типъ раздѣляетъ насъ другъ отъ друга непроницаемой стѣной, другой убираетъ стѣну, и мы сливаемся въ одно. Одинъ способъ научаетъ насъ чувствовать относительно каждаго существа, что оно—я, а другой,—что оно—не я.

Шопенгауэръ.

2. Всѣ люди—одного происхожденія, подлежатъ одному закону и всѣ предназначены къ одной цѣли.

И потому у васъ должна быть одна вѣра, одна цѣль поступковъ, одно знамя, подъ которымъ всѣ должны сражаться. Поступки, слезы и мученичество есть общій всему человѣчеству языкъ, который понимаютъ всѣ.

Іосифъ Мадзини.

3. *Въ каждый моментъ нашей жизни мы должны стараться отыскивать не то, что насъ отдѣляетъ отъ другихъ людей, а то, что у насъ съ ними общаго.*

Джонъ Рёскинъ.

Нельзя сказать, чтобы не только африканскіе негры, но обезьяны и собаки, лошади, птицы не были бы наши братья. Если сказать, что они чужіе намъ, то почему же не сказать, что и африканскіе негры чужіе намъ, а если они чужіе, то не чужіе ли и люди другого, чѣмъ мы, цвѣта? Кто же ближній? На это есть только одинъ отвѣтъ притчи о самарянинѣ и не только по отношенію человѣка, но по отношенію всего живого. Не спрашивай, кто ближній, а дѣлай добро, сострадай, служи всему живому.

IV.

Если бы основа жизни всѣхъ насъ не была бы одна и та же, ничѣмъ нельзя бы было объяснить испытываемое нами чувство состраданія.

1. Ничѣмъ нельзя смягчить нашего гнѣва, даже справедливаго, такъ быстро, какъ сказавши гнѣвающемуся: „да вѣдь онъ — несчастный!“ Ибо, что дождь для огня, то и состраданіе для гнѣва. Пусть всякій человекъ, воспылавъ гнѣвомъ противъ другого человекъ и задумавъ причинить ему страданіе, — живо представить себѣ, что онъ уже сдѣлалъ это, и видитъ теперь его страдающимъ духовно или тѣлесно, или въ борьбѣ съ пуждой и нищетой, и можетъ сказать себѣ: это дѣло моихъ рукъ. Если не другое что, то это можетъ потушить его гнѣвъ.

Шопенгауэръ.

2. Прямой путь или правило поведенія, которому надо слѣдовать, — педалеко отъ людей. Если люди стѣвятъ себѣ за правило поведенія то, что далеко отъ нихъ, т.-е. несогласно съ ихъ природой, то оно не должно быть принимаемо за правило поведенія. Плотникъ, вытесывающій топорище, имѣетъ предъ собою образецъ того, что дѣлаетъ. Взявъ въ руки топорище того топора, которымъ онъ тешетъ, онъ смотритъ на него съ той и другой стороны и послѣ того, какъ сдѣлалъ новое топорище, разсматриваетъ ихъ оба, чтобы видѣть, насколько они сходны; такъ и мудрый человекъ, который питаетъ къ другимъ такія же чувства, какъ онъ питаетъ къ себѣ, находитъ вѣрное правило поведенія. Онъ не дѣлаетъ другимъ того, что онъ не желаетъ, чтобы ему сдѣлали.

Конфуцій.

3. Когда ты бранишь человекъ и враждуешь съ нимъ, ты забываешь, что люди — твои братья, и ты дѣлаешься имъ врагомъ, вмѣсто того, чтобы быть ихъ другомъ. Этимъ ты самъ себѣ вредишь, потому что когда ты пересталъ быть добрымъ и общительнымъ существомъ, какимъ тебя Богъ создалъ, и вмѣсто того сталъ дикимъ звѣремъ, который подкрадывается, раздираетъ и губитъ свою жертву, — тогда ты потерялъ самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька съ деньгами, почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерялъ свою честность, доброту и умѣренность?

Эпиктетъ.

4. *Есть много людей, болѣе несчастныхъ, чѣмъ ты.* Это изреченіе, правда, не служитъ кровлей, подъ которой можно было бы жить, однако оно достаточно для того, чтобы подъ нимъ укрыться отъ ливня.

Лихтенбергъ.

5. Ты стоишь отъ своихъ несчастій! Если бъ ты разсмотрѣлъ то, что испытываютъ другіе, ты меньше жаловался бы на свои страданія.

Истинное состраданіе начинается только тогда, когда поставишь себя въ воображеніи на мѣсто страдающаго и испытываешь дѣйствительное страданіе.

VII.

То, что мы сознаемъ себя отдѣленными отъ другихъ и другихъ отъ себя и другъ отъ друга, есть представленіе, вытекающее изъ того, что жизнь наша совершается во времени и пространствѣ. Чѣмъ больше мы чувствуемъ за другія существа, тѣмъ болѣе освобождаемся отъ времени и пространства, и тѣмъ легче и радостнѣе становится наша жизнь.

1. Если бы ты и хотѣлъ этого, ты не можешь отдѣлить твою жизнь отъ человѣчества. Ты живешь въ немъ, имъ и для него. Твоя душа не можетъ освободиться изъ тѣхъ условій, въ которыхъ она движется, потому что мы всѣ сотворены для взаимодѣйствія, какъ ноги, руки, глаза.

Дѣйствовать другъ противъ друга противно природѣ. А сердиться другъ на друга и отворачиваться — значитъ поступать противно природѣ.

Маркъ Аврелій.

2. Всякое неподдѣльное благодареніе, всякая вполнѣ и поистинѣ безкорыстная помощь, въ виду исключительно чуждой нужды, оказывается, строго говоря, при изслѣдованіи дѣла до послѣднихъ основъ, поступкомъ мистическимъ, практической мистикой, ибо проистекаетъ изъ того самаго познанія, которое составляетъ суть всякой настоящей мистики, и не поддается никакому иному дѣйствительному объясненію. Въ самомъ дѣлѣ, подать хотя бы милостыню, не имѣя въ виду, даже въ отдаленныхъ соображеніяхъ, ничего другого, какъ только уменьшить нужду, дающую другого, — возможно лишь потому, что подающій познаетъ, что то, что является ему сейчасъ подъ видомъ того жалкаго нищаго, есть онъ же самъ, потому что онъ узнаетъ свое собственное существо само по себѣ въ этомъ иномъ чуждомъ явленіи.

Шопенгауэръ.

3. Вѣтвь, отрѣзанная отъ своего сука, тѣмъ самымъ отдѣлилась и отъ цѣлаго дерева. Человѣкъ при раздорѣ съ другимъ человѣкомъ отрывается отъ всего человѣчества. Но вѣтвь отсѣкается посторонней рукой, человѣкъ же самъ отчуждаетъ себя отъ ближняго своего ненавистью и злобой, не вѣдая, правда, что онъ тѣмъ самымъ отрываетъ себя отъ всего человѣчества. Но божество, призвавшее людей, какъ братьевъ, къ жизни общей, одарило ихъ свободой послѣ раздора снова примириться между собою.

Маркъ Аврелій.

4. *Сознаніе единства нашего существа со всѣмъ другимъ проявляется въ насъ любовью. Любовь есть расширение своей жизни. Чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ обширнѣе, полнѣе и радостнѣе становится жизнь.*

5. Богъ, сотворивши небо и землю, которыя не чувствуютъ счастья своего существованія, захотѣлъ сотворить существа, которыя сознавали бы это счастье и составляли бы тѣло изъ мыслящихъ членовъ. Всѣ люди—члены этого тѣла; для того чтобы быть счастливыми, они должны сообразовать свою волю со всеобщей волею, управляющей всѣмъ тѣломъ. А между тѣмъ человѣкъ часто думаетъ, что онъ—все; не видя тѣла, отъ котораго онъ зависитъ, думаетъ, что онъ зависитъ только отъ самого себя, и хочетъ самого себя сдѣлать центромъ и тѣломъ. Но въ этомъ положеніи человѣкъ подобенъ члену, отдѣленному отъ своего тѣла, который, не имѣя въ себѣ начала жизни, только блуждаетъ и удивляется непонятности своего существа. Когда же, наконецъ, человѣкъ доходитъ до пониманія своего назначенія, онъ какъ бы возвращается къ себѣ, сознаетъ, что онъ не все тѣло, а только членъ всеобщаго тѣла, что быть членомъ значитъ имѣть жизнь только черезъ жизнь и для жизни всего тѣла, что членъ, отдѣленный отъ своего тѣла, имѣетъ только умирающую и гибнущую жизнь и что любить себя надо только для этого тѣла или, вѣрнѣе сказать, что надо любить только это всеобщее тѣло, потому что, любя его, любишь себя, такъ какъ жизнь только въ немъ и черезъ него.

Чтобы опредѣлить ту любовь, какую надо имѣть къ себѣ, надо представить себѣ тѣло, составленное изъ мыслящихъ членовъ, потому что мы члены Всего, и рѣшить, какъ долженъ любить себя каждый отдѣльный членъ.

Тѣло любить руку, и рука, если бы имѣла волю, должна бы любить себя, какъ ее любить тѣло. Всякая любовь больше этой незаконна. Если бы руки и ноги имѣли свою особенную волю, онѣ были бы въ порядкѣ, только если бы подчинялись тѣлу; внѣ этого онѣ въ безпорядкѣ и бѣдствіи; желая же блага тѣлу, онѣ достигаютъ своего блага.

Члены нашего тѣла не чувствуютъ счастья своего соединенія, своего удивительнаго согласія, не чувствуютъ того, какъ заботилась природа, впусивъ имъ духъ согласія, заставить ихъ расти и существовать. Если же бы онѣ, получивши разумѣніе, воспользовались имъ для того, чтобы удерживать въ себѣ получаемую пищу, не передавая ее другимъ членамъ, они были бы не только несправедливы, но и несчастны, не любили бы другъ друга, а, скорѣе, ненавидѣли бы: такъ какъ ихъ блаженство, такъ же какъ и обязанность, — въ согласіи съ дѣятельностью общей души, къ которой они принадлежатъ и которая любитъ ихъ больше, чѣмъ они сами себя.

Паскаль.

Когда неразрѣшенный вопросъ тебя мучаетъ, то чувствуешь себя больнымъ членомъ какого-то всего здороваго тѣла, — чувствуешь себя больнымъ зубомъ здороваго тѣла и просишь все тѣло помочь одному члену. Тѣло все — Богъ; членъ — я.

VIII.

Сознаніе единства всѣхъ людей все болѣе и болѣе распространяется въ человѣчествѣ.

1. Тотъ, кто сказалъ: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“, сдѣлался самъ черезъ это слово средоточіемъ всего человѣчества, ибо все человѣчество живетъ подъ гнетомъ притѣсненія и труда.

Сочтите тѣхъ, кто не несетъ этой тяжести, а налагаетъ ее на другихъ, тѣхъ, кто пользуется трудами другихъ и притѣсненіемъ ихъ — много ли таковыхъ? На одного господина милліонъ рабовъ, на одного счастливица, въ смыслѣ сатаны, милліонъ существъ, согбенныхъ до земли, которую они орошаютъ потомъ и слезами. Эти обездоленные созданія — это овцы Добраго Пастыря, овцы Христовы, тѣ, для которыхъ Опъ отдалъ Свою жизнь. Опъ ихъ зоветъ къ Себѣ, и мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ приближаются обѣща-

ныя времена, они, поднявъ головы, слушаютъ Его голосъ, узнаютъ его и готовятся ему слѣдовать. Изъ всѣхъ овчаренъ, изъ среды всякаго народа прибѣгутъ эти овцы, ибо всѣ принадлежатъ Доброму Пастырю, и Онъ соберетъ ихъ. Разсѣянные, разъединенныя, онѣ толпятся въ смутномъ ожиданіи того, кто поведетъ ихъ на такія пастбища, гдѣ онѣ не будутъ отдалы во власть наемниковъ, которые, завидя приближающагося волка, покидаютъ своихъ овецъ и убѣгаютъ, или людямъ чужимъ, которые, заботясь лишь о своей выгодѣ, объ удовлетвореніи своей алчности, присваиваютъ ихъ себѣ, одѣваются ихъ шерстью, питаются ихъ мясомъ. И прядя къ Доброму Пастырю, всѣ овцы соберутся вокругъ Него, и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.

Цѣль земной миссіи Христа: составить изъ всѣхъ людей народъ братьевъ, соединить всѣхъ людей между собой, соединивъ ихъ съ Богомъ, утвердить ихъ въ единеніи подъ святыми законами свободы, т.-е. безконечнаго и безпредѣльнаго прогресса любви, которая есть жизнь вѣчная всего существующаго.

Ламенз.

2. Понимаемъ ли мы наше духовное братство? Понимаемъ ли наше происхожденіе отъ одного Небеснаго Отца, образъ котораго мы посимъ въ себѣ и къ совершенству котораго мы постоянно можемъ приближаться? Признали ли мы то, что одна и та же божественная жизнь въ душахъ всѣхъ людей, такъ же какъ и въ нашей? А между тѣмъ это одно составляетъ истинную свободную связь людей между собой.

Для измѣненія строя жизни людей необходимо новое уваженіе людей другъ къ другу. До тѣхъ поръ, пока люди смотрятъ другъ на друга, какъ теперь, почти какъ на скотину, они не перестанутъ скотски обращаться съ людьми, будутъ продолжать силою или хитростью дѣлать ихъ орудіями достиженія своихъ цѣлей. Не можетъ быть братства между людьми до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ свое сродство и отношеніе къ Богу и то великое назначеніе, для котораго дана имъ жизнь. Теперь же на такія мысли смотрятъ какъ на фантазію, и на учителя, который надѣется найти въ людяхъ вѣру въ свое братство и сыновность Богу, смотрятъ какъ на мечтателя. А между тѣмъ, признаніе этой простѣйшей истины христіанства переверотило бы все общество и установило бы между людьми такія отношенія, которыя

мы не можемъ себѣ представить теперь. Никто изъ насъ не можетъ вообразить себѣ ту перемѣну въ обращеніи, ту пѣжность, уваженіе, мягкость и ту энергію усилій для общественнаго улучшенія, которыя возникли бы по мѣрѣ того, какъ люди проникали бы до духовной части другъ друга и понимали бы значеніе души каждаго самаго низшаго человѣческаго существа. Тогда тѣ оскорбленія, огорченія, угнетенія, которыя теперь мы и не замѣчаемъ, возмущали бы насъ болѣе, чѣмъ теперешнія величайшія преступленія. Тогда всякій человѣкъ будетъ священенъ въ глазахъ человѣка, и оскорбленіе, нанесенное человѣку, будетъ представляться враждою противъ Бога. Признавая эту истину, человѣкъ не можетъ надругаться надъ ближнимъ, потому что видитъ въ немъ божественное. Нельзя себѣ представить истины столь практической, какъ это ученіе. Да, памъ чужно новое откровеніе—не о раѣ и адѣ, а о томъ духѣ, который живетъ въ насъ.

Чаннингъ.

3. *Нельзя любить ни того, кого ты боишься, ни того, кто тебя боится.*

Цицеронъ.

4. Люди, проповѣдующіе нравственность и ограничивающіе ваши обязанности предѣлами вашей семьи и родины, проповѣдуютъ вамъ эгоизмъ, болѣе или менѣе широкій, но который тѣмъ не менѣе вреденъ и вамъ и другимъ. Семья и родина—два круга, заключающіеся въ еще болѣе широкомъ кругѣ—человѣчествѣ. Это двѣ ступени, которыя нужно пройти, но на которыхъ не слѣдуетъ останавливаться.

Іосифъ Мадзини.

Сознаніе своего единства, вытекающее изъ сознанія единаго во всѣхъ божественнаго начала, даетъ людямъ наивысшее и внутреннее—личное и внѣшнее—общественное благо, и потому зло—все то, что мѣшаетъ этому единенію, и благо все то, что содѣйствуетъ ему. Мѣшаютъ болѣе всего единенію суевѣрія и раздѣленія людей; содѣйствуетъ истина и любовь.

2011096333